

Специализированный учебно-научный центр
Новосибирского государственного университета
ул. Ляпунова, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khaldeus@academ.org

ПЕРЕВОД ПОЛЕВЫХ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ АРМИИ В СИБИРЬ В 1744–1745 ГОДАХ *

Статья посвящена процессу перевода пяти полевых полков русской армии в Западную Сибирь, осуществленного в середине XVIII в. Данная мера была вызвана военной угрозой со стороны Джунгарского ханства, чем объясняется ее проведение в максимально сжатые сроки. Вместе с тем, в ходе этого процесса возникали противоречия между различными государственными ведомствами центрального и местного уровней, выполнявшими функции военного управления для реализации соответствующих предписаний.

Ключевые слова: русская армия, полевые полки, Российская империя, Сибирь, XVIII век.

Событиям середины XVIII в., когда была предпринята передислокация значительных воинских контингентов из состава действующей армии на территорию Западной Сибири, в существующих исследованиях посвящают, как правило, лишь несколько строк. При этом в ряде работ допускаются досадные неточности и фактические ошибки. Так, А. Д. Колесников датировал перевод в Сибирь пяти полевых полков «для усиления обороны» 1743–1744 гг. [1973. С. 68]; Б. П. Гуревич упоминал о предписании отправить в Сибирь три драгунских полка в 1744 г., добавляя, что «туда же перебрасывались другие воинские части» [1983. С. 76]. Наконец, В. А. Моисеев остановился на последствиях, которые возымела переброска войск в складывании русско-джунгарских отношений в эти годы, однако почти не уделил внимания собственно маршу этих полков в Сибирь [1998. С. 115, 116].

В монографии Г. Ф. Быкони дается чуть более подробная информация: «В 1745 г. в Сибирь под командованием генерал-майора Х. Х. Киндермана вступили “для охранения границ” полевые 2 пехотных и 3 конных

полка. Ширванский и Петербургский пехотные полки разместились в Тобольске и Тобольском дистрикте, а драгунские Луцкий, Олонецкий и Вологодский – на создаваемой Колывано-Воскресенской военной линии» [2007. С. 155]. Однако здесь мы можем отметить, по крайней мере, две ошибки: во-первых, в Сибирь переводился Нотебургский, а не Петербургский пехотный полк; во-вторых, драгунские полки размещались отнюдь не на Колывано-Воскресенской линии, а на форпостах по рекам Тоболу и Ишиму, заменяя там как раз выведенные на Алтай гарнизонные части. В другой работе сказано, что Олонецкий и Луцкий драгунские полки были сформированы в Зауралье в начале 40-х гг. XVIII в. [Малолетко А. А., Малолетко А. М., 2001. С. 74, 180], хотя специалистам прекрасно известно, что срок службы этих полков начался еще с петровской эпохи [Рабинович, 1977. С. 81, 94, 97; Татарников, 2008. С. 275, 288].

Подобная ситуация является, на наш взгляд, следствием двух причин – некритического восприятия историками непроверенных данных, приводившихся еще в работах XIX – начала XX вв., и отсутствием ве-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № П364 от 07.05.2010.

денных в научный оборот архивных материалов, посвященных этому сюжету. Мы уже уделяли ему внимание в одной из предыдущих своих публикаций [Дмитриев, 2010. С. 88, 89], а сейчас постараемся максимально полно и в деталях восстановить ход событий, опираясь на сведения, выявленные нами в фонде Воинской экспедиции канцелярии Военной коллегии в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 20). По нескольким делам, содержащим обширный комплекс делопроизводственной документации, специально посвященной событиям 1744–1745 гг., мы имеем возможность проследить, как шла подготовка и осуществление передислокации полевых армейских частей на территорию Западной Сибири, какими причинами это было вызвано и какие функции выполняли в ходе этого процесса различные центральные и местные государственные учреждения.

Передвижение войск, располагавшихся на территории страны в относительной близости к границам Сибирской губернии, началось весной 1744 г. Указом императрицы Елизаветы, полученным из Сената Военной коллегией 11 марта, предписывалось «для предосторожности во всех пограничных местах от киргис-кайсацких воровских набегов» выдвинуть на Закамскую линию, построенную в 1730-х гг. от Самары до Мензелинска, три драгунских полка – Луцкий, Вологодский и Олонецкий. Первых два на тот момент были расквартированы в Казанской губернии под командованием бригадира И. Барденевича; последний дислоцировался в Нижегородской губернии, подчиняясь генерал-майору Н. Стрешневу. За расположение полков на новом месте и снабжение их провиантом и фуражом ответственность возлагалась на оренбургского губернатора, тайного советника И. И. Неплюева. Соответствующий приказ Военной коллегии был отправлен к нему спустя две с половиной недели¹.

В середине апреля, находясь в Кичуйском фельдшанце² на Закамской линии, Неплюев получил этот приказ. Выезжая

оттуда 19 апреля в Оренбург, он оставил распоряжение премьер-майору Исакову и капитану Цвейбергу (офицерам Казанского гарнизонного драгунского полка): «Когда оные полки придут, чтоб им показать, где им в компамент стать и лошедам доволное пасбище иметь по обеим сторонам Закамской линии между рек Шешмы и Черемшана, не чиня утеснения и обид обывателям»³. Хотя полкам предписано было «выступить в марш по первой вешней траве», однако они двинулись в путь лишь в мае. Генерал-майор фон Штокман, командовавший частями, располагавшимися на Закамской линии и в Оренбургской губернии, сообщил Неплюеву, что Вологодский полк прибыл к месту назначения 6 июня, Луцкий – 14 июня. Кроме того, он отметил, что хотя «оные полки людьми и лошадми состоят почти в полном комплекте, но ис того многие росходы людем показаны»⁴. Действительно, из 1 118 чел. рядовых и офицеров Луцкого полка налицо оказались только 856 чел. при 820 лошадях, из 1 116 чел. Вологодского полка – 744 чел. при 840 лошадях. Олонецкий полк, в начале июня только выступивший в поход, насчитывал 1 148 чел. при 769 лошадях⁵.

Проведя на Закамской линии лето 1744 г., эти драгунские полки должны были возвратиться на зиму в Казанскую губернию. По крайней мере, из этого исходил губернатор Неплюев, еще в августе запрашивая Военную коллегию о том, куда переводить их «на винтер-квартиры». Не получая ответа, он сам уже в сентябре запросил Казанскую губернскую канцелярию, чтобы та «приказала заблаговременно тем полкам в ведомстве своем винтер-квартиры назначить по сю сторону реки Камы <...> и определить в зиму камисаров и денги к их содержанию»⁶.

Однако все изменилось, когда в конце августа сибирский губернатор А. М. Сухарев получил от комендантов Верхне-Иртышских крепостей известия о намерении правителя Джунгарского ханства Галдан-Цэрэна «иттить войною на Усть-Каменогорскую, Семиполатную и Ямышевскую крепости и на Кольвано-Воскресенской за-

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 2. Л. 10, 10 об.

² Фельдшанец – земляное полевое укрепление, предназначенное для обороны (XVII–XVIII вв.). «Термин фортификационный, слово немецкое. Полевые укрепления, или полевые окопы» [Тучков, 2008. С. 352].

³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 2. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 46 об.

⁵ Данные по: Там же. Л. 54–55 об.

⁶ Там же. Ч. 4. Л. 76 об.

вод»⁷. Это обстоятельство традиционно выделяется исследователями в качестве главной причины, повлекшей за собой переброску в Сибирь армейских частей. Н. Г. Аполлова прямо указывала: «В 1744–1745 гг. русское правительство было встревожено слухами о намерении джунгарского хун-тайджи Галдан-Церена разрушить крепости по Иртышу» [1976. С. 125]. В. А. Моисеев подчеркивал, что многочисленные сведения поступали от самых разных информаторов: русских служилых людей, алтайских урянхайцев, казахов и др. [1998. С. 113, 114]. Известия эти действительно вызвали в Петербурге сенсацию и панику, а также повлекли за собой целый ряд мгновенно принятых решений.

Уже 2 октября 1744 г. Военная коллегия получила из Сената несколько указов, собственноручно подписанных императрицей Елизаветой. В них содержались требования немедленно отправить в Западную Сибирь пять полевых полков: три драгунских и два пехотных. Для этого были предназначены упомянутые выше драгунские части, а также Ширванский и Нотебургский пехотные полки. Рассчитывая, что драгунские полки успеют к месту своего нового назначения еще до наступления зимы, Военная коллегия предписала им «следовать в Сибирскую губернию в самой крайней скорости, и выступить оным полкам в поход по получении указа на другой или конечно на третьей день, и в пути, кроме самой нужды для отдохновения людям и лошадям, отнюдь нигде не мешкать»⁸. Обеспечить их на марше необходимым провиантом и фуражом должен был губернатор Сухарев. Для этого от каждого полка к нему следовало отправить нарочных, которые информировали бы его о маршрутах следования, после чего губернатор мог бы успеть заготовить на всем протяжении этих маршрутов «провианта и фуража надлежащее число». Заменить эти части на Закамской линии решено было силами трех других драгунских полков, дислоцированных тогда в Алатырской провинции – Ревельского, Троицкого и Московского⁹.

Гораздо сложнее обстояло дело с двумя пехотными полками. Дислоцированные на юге европейской части страны, в крепости

Св. Анны близ устья Дона, они получили приказ двигаться в Сибирь уже после того, как выступили в конце сентября на зимние квартиры к г. Острогжску Воронежской губернии. При этом значительная часть полковых запасов (оружие, амуниция, мундиры, сукно и пр.) остались в цейхгаузах крепости, оба полка выступили в поход почти налегке. К середине октября они уже вступили в Воронежскую губернию, где и получили распоряжение из Петербурга: «Не мешкая во Острогжску и не ожидая оставших от тех полков полковых тягостей, разведывая, где надлежит, способным и ближайшим путем маршировать в Сибирскую губернию в самой крайней скорости, не мешкая нигде ни за чем без замедления»¹⁰. При этом для ускорения движения рекомендовалось оставить в пути всех больных: «Имеющихся в тех полках больных полковых служителей, как за тяжкими болезнями взять невозможно, оставить в способном месте по их рассмотрению и отдать тамошним в городех воеводам, а в протчих местах управителем с надлежащим доволством, которым, приняв, содержать под добрым присмотром»¹¹. Доставить же к полкам оставленные ранее запасы требовалось силами подъемных лошадей Санкт-Петербургского и Шлиссельбургского пехотных полков, переведившихся из Киева в крепость Св. Анны вместо выведенных оттуда Ширванского и Нотебургского. Кроме того, по пути следования им должны были «давать градских уездных подвод на каждый полк по сту по пятидесяти лошадей <...> а прогонные и поверстные денги за помянутыя подводы платить из имеющихся при тех полках наличных денег, а ежели при тех полках денег налично нет, то Военной коллегии потребное число определить из воинской суммы на счет чрезвычайных расходов»¹².

Поскольку обоим полкам должно было понадобиться несколько месяцев, чтобы добраться до сибирских границ, тем более в условиях наступающей зимы, Военная коллегия сочла возможным разрешить «в случае жестоких морозов и стуж показанным полкам от марша удержатца, и премены тех тяжких морозов и стужи ожидать в квартирах, дабы от того людям не учинить повре-

⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 5. Л. 5.

⁸ Там же. Ч. 4. Л. 78 об.

⁹ См.: Там же. Ч. 3. Л. 75; Ч. 4. Л. 79, 79 об.

¹⁰ Там же. Ч. 5. Л. 45–47.

¹¹ Там же. Л. 47 об.

¹² Там же. Л. 145, 145 об.

ждения и трат»¹³. Впрочем, марш их прошел довольно быстро: уже к концу ноября оба полка находились в окрестностях Тамбова, откуда и должны были выступить на восток. Фактором, способным несколько замедлить их передвижение, могла стать нехватка в полковой казне наличных денег для оплаты прогонов за подводы: «Летом – по 1 коп., а зимой – по $\frac{1}{2}$ коп. с версты, а за простой на дворе, как за рабочий день» [Соловьев, 1900. С. 91]. Поскольку имеющейся в обоих полках суммы (844 руб.) было явно недостаточно, Воронежской губернской канцелярии пришлось ассигновать по полторы тысячи рублей каждому полку¹⁴.

С аналогичными проблемами, впрочем, столкнулись и три драгунских полка. Начать с того, что из-за передислокации на Закамскую линию они не получили жалования за майскую (т. е. вторую) треть 1744 г., а начиная отсюда поход в Сибирь, должны были остаться без жалования и за сентябрьскую треть. В связи с этим Главный комиссариат, с недавних пор отвечавший за финансирование войск (после отделения от Военной коллегии) [Столетие, 1902. С. 30; Бескровный, 1958. С. 71], в начале ноября предписал Казанской губернской канцелярии: «Означенным полкам на майскую сего 1744 года треть денежное жалование произвести, також и на заплату тем полкам за сентябрьскую сего ж года треть жалования, что надлежит, денежную казну в те полки отпустить из Казанской губернской канцелярии из наличных подушного и других, какия ни есть, зборов денег»¹⁵. Кроме того, они также оставили немалую часть своих вещевых запасов: Луцкий полк в Казани, Вологодский – в ее пригороде Малмыже, а Олонецкий – в г. Балахне Нижегородской губернии. Эти вещи велено было отправить «в самой скорости до тех полков, где оныя могут достичь, на наемных подводах, а буде оных не сыщется, то на уездных подводах заплату по Плакату из подушных наличного збора имеющихся в тех губерниях денег»¹⁶. Соответствующие указы повез из Петербурга в Казань нарочный курьер, сержант Копорского пехотного полка П. Шишкин.

Затем к делу подключилась Канцелярия главной артиллерии и фортификации. Поскольку принявший на себя командование тремя драгунскими полками на время марша в Сибирь полковник Джон Крафт сообщил, что «пушек при тех полках ныне ни одной не имеется», то решено было снабдить каждый полк двумя медными 3-фунтовыми пушками. Военная коллегия распорядилась было снять нужное количество пушек с Закамской линии, однако Артиллерийская канцелярия решила иначе. Пушки решено было отправить из Москвы вслед за двигающимися в Сибирь полками, причем уже не 6, а 10 орудий, поскольку артиллерия также понадобилась и двум пехотным полкам. Аналогичное предписание выдали и в отношении трех драгунских полков, перебрасывавшихся в Оренбургскую губернию. Перевезти всю эту артиллерию Канцелярия рассчитывала силами 96 лошадей (по 6 на каждое орудие), а от Военной коллегии требовала прислать офицера с 12 рядовыми для сопровождения. По прибытии из Москвы в Казань ему надлежало, «оставя отправляющуюся к Оренбурху артиллерию, служителями и лошадми, кому от Казанской губернской канцелярии принять будет определено, следовать до Таболска немедленно, а по прибытии туда оную артиллерию и служителей в вышепомянутые полки роздать немедленно. А оставшею артиллерию к Оренбурху с людми и лошадми Казанской губернской канцелярии, определя для препровождения оной надлежащей канвой ис тамошних гарнизонных полков, отправить туда в самой крайней скорости»¹⁷. Большую часть конского состава, «сверх того числа, что в полках при настоящих пушках от артиллерии содержать надлежит» (по 2 лошади к каждому орудию), Артиллерийская канцелярия в дальнейшем собиралась продать находящимся в Сибирской и Оренбургской губерниях гарнизонным частям, рассчитывая выручить за них около 700 руб.: «А Военная коллегия благоволила б за те излишния лошади за каждую по осми рублев, а за аммуницию по артиллерийской штатной цене заплатить»¹⁸.

Отправка пушек затянулась, поскольку Артиллерийская канцелярия в дальнейшем

¹³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 6. Л. 79 об.

¹⁴ Там же. Ч. 8. Л. 130, 130 об.

¹⁵ Там же. Ч. 6. Л. 75.

¹⁶ Там же. Л. 75 об.

¹⁷ Там же. Л. 132, 133.

¹⁸ Расчет см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 6. Л. 133 об., 134.

изменила свои первоначальные планы. Поскольку в Москве не было известно, какими маршрутами двигаются в Сибирь драгунские и пехотные полки, Канцелярия опасалась, чтобы «бес подлинного о их тракте известия оную артиллерию напрасно не провести до Tobолска и до Оренбурха, и тем бы служителем и лошадям излишняго отягощения и труда, також и время продолжения не учинить»¹⁹. Поэтому ее чиновники запросили полковника Крафта, «чтоб от оных полков для принятия помянутой артиллерии с лошадми оставлены были в пристойном месте надлежащие конвои». В итоге только в середине декабря 1744 г. подпоручик Великолуцкого пехотного полка И. Ахманов повез на восток вверенные его попечению 16 медных пушек и 32 медных 6-фунтовых мортиры «кугорного манира»²⁰. Также груз включал соответствующие артиллерийские принадлежности: колеса с осями, свинцовые и кожаные покрывки, снарядные ящики, фитили, втулки и т. д.²¹

Не удалось, впрочем, сразу отправить вслед двигающимся в Сибирь полкам и оставленные ими вещи – понадобилось несколько распоряжений, адресованных из Главного комиссариата местным губернаторам. Мундиры и амуницию, годные к употреблению, требовалось «отправить до тех полков, где оныя могут достигь на ямских или на уездных или на наемных подводах, усмотря как способнее, дабы излишняго казенного убытку напрасно не последовало, токмо в том всевозможное всякими мерами приложить старание, чтоб те вещи всекогда отправлены были в самой скорости под опасением за умедление тыхчайшаго ответа»²². Все эти неоднократно повторяющиеся в изученных нами документах формулировки наводят на мысль, что бюрократические механизмы как военного, так и гражданского управления не всегда действовали с надлежащей быстротой и эффективностью, что замедляло переброску в Сибирь армейских частей, которой верховная власть придавала столь большое значение.

Принять командование как над перебрываемыми в Сибирь полевыми, так и над уже расквартированными там гарнизонными полками должен был генерал-майор Христиан Киндерман (Kindermann). Саконец по происхождению, он вступил в русскую службу еще в годы царствования Петра Великого и, последовательно пройдя все ступени чиновной лестницы, дослужился к началу 1740-х гг. до генеральского звания²³. Сенатским указом от 27 сентября 1744 г. предписывалось, выдав ему жалование за треть года вперед, отправить Киндермана из Петербурга в Москву, объявив ему, что он «употреблен будет к команде в Сибирь для некоторой нужнейшей экспедиции» [Сенатский..., 1893. С. 199]. Однако еще до его отъезда в Сибирь туда же направился бригадир Иван Юрлов, который должен был начальствовать над всеми сибирскими частями до прибытия командующего [Там же. С. 228]. Указ о выдаче из Штатс-контр-коллегии денег им обоим подписала 11 ноября императрица Елизавета: Киндерману следовало получить тысячу рублей, Юрлову – 400²⁴. Приняв от Военной коллегии подробную инструкцию, генерал-майор Киндерман выехал из Москвы 22 ноября²⁵.

Прибыв ровно через месяц в Екатеринбург, Киндерман застал там Олонецкий драгунский полк, «а Вологодской и Луцкой полки следуют позади не в далном расстоянии»²⁶. Здесь ему пришлось разбирать обвинения, выдвинутые в адрес полковника Крафта оренбургским губернатором Неплюевым при поддержке Сената. Еще в середине ноября Неплюев отправил в Сенат рапорт, в котором утверждал, что Крафт, получив распоряжение о переброске трех драгунских полков в Сибирь, вместо этого сначала двинулся обратно к Казани. Губернаторский гонец, солдат Пензенского пехотного полка Самсонов, нашел Олонецкий полк в 30 верстах от Казани, а самого Крафта обнаружил только в самом городе. Оправдываясь, полковник утверждал, что

¹⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 6. Л. 169.

²⁰ Так называли в то время одну из разновидностей малых мортир: «Названа по имени изобретателя ее голландского инженера Кугорна... Изобретатель предлагает пользу употребления оных во время осады крепости» [Тучков, 2008. С. 186].

²¹ Подробную роспись см.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 6. Л. 177, 178.

²² Там же. Ч. 8. Л. 64.

²³ Высказываемое предположение о принадлежности Киндермана к остзейскому дворянству не кажется нам достаточно обоснованным. Его сыновья, несшие военную службу в Вологодском драгунском полку, по формулярным спискам определялись как «саксонской нации шляхтичи». См., например: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 314. Л. 3 об., 4, 72 об., 73.

²⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 8. Л. 32.

²⁵ Там же. Л. 47.

²⁶ Там же. Д. 283. Ч. 1. Л. 25.

проделал этот маневр, дабы все полки могли «в самой крайней скорости» получить денежное жалование, провиант и фураж, которые могла отпустить им Казанская губернская канцелярия, но на получение которых трудно было бы рассчитывать, уже начав марш в Сибирь [Сенатский..., 1893. С. 271]. Однако Неплюев, не приняв во внимание эти объяснения, указав, что Крафт «более 400 верст излишним путем идет, и тем людей и лошадей утруждает». Кроме того, полковник имел неосторожность распорядиться отдать под суд премьер-майора Олонецкого полка А. Сташкеева якобы за кражу и растрату денег, выданных ему для закупки фуража (81 руб. 46 коп.), а последний в ответ сам подал на командира донос, обвинив его «в разных непорядках»²⁷.

Согласно решению Сената от 3 декабря, полковника Крафта велено было «судить военным судом и для того от команды его отрешить, а те полки поручить в команду другому» [Там же. С. 273]. Однако, поскольку этот указ был получен уже прибывшим в Екатеринбург генерал-майором Киндерманом, он сам разобрал дело. По приговору военного суда за Крафтом «никакой вины не нашлось», и он продолжал исполнять обязанности полкового командира²⁸. Вместе с тем он обнаружил, что уже нет необходимости так спешить – сибирская администрация еще раньше убедилась, что опасность немедленного начала войны с Джунгарским ханством сильно преувеличена²⁹, а теперь это стало ясно и в столице. Сибирский губернатор Сухарев еще до прибытия командующего предлагал полковнику Крафту, получив провиант и фураж от Екатеринбургской таможни, следовать с драгунскими полками в Тюменский, Краснослободский и Туринский уезды, где им предстояло расположиться «на винтер-квартиры»³⁰. По приказу Киндермана Олонецкий полк 24 декабря выступил из Екатеринбурга к Тюмени, а за ним по-прежнему

должны были следовать и два других полка³¹. Сенат же 11 января 1745 г. предложил командующему, «буде те полки ныне там быть не потребны, тогда оные, дабы в нынешнее зимнее время люди и лошади не понесли крайней нужды, остановить и велеть расположиться по квартирам поблизости к той губернии, ежели оные в ту губернию не вошли» [Сенатский..., 1893. С. 299]. Когда в начале февраля 1745 г. вслед за драгунскими прибыли оба пехотных полка, Киндерман, следуя полученному указу, «для их дальняго походу и отдохновения» расположил Нотебургский полк в Тюмени, а Ширванский – в Екатеринбурге³².

Завершающий этап наступил весной 1745 г., когда Киндерман, воспользовавшись наступившей ранней весной, с 15 марта начал переброску гарнизонных частей, располагавшихся вдоль южной границы по рекам Тоболу и Ишиму, в Верхне-Иртышские крепости, а их место здесь стали занимать полевые полки. Всем трем драгунским полкам командующий предписал «из нынешних квартир в Ялаторовской дистрикт и к Ышимским фарпостам и к уезду до Тары и Чернолуцкой слободы движение иметь»³³. За ними последовал Ширванский полк, а большую часть контингента Нотебургского полка решено было употребить для конвоирования перевозок на речных судах провианта, собранного в Тобольске и ближайших к нему городах, в крепости по Иртышу³⁴. К лету Луцкий драгунский полк расположился между Тоболом и Ишимом, а Олонецкий, Вологодский и Ширванский полки прикрывали границу на всем протяжении от Коркиной слободы на Ишиме до Омской крепости. Сам Киндерман расположил свой штаб и походную канцелярию в г. Таре [Там же. С. 502]. В последующие несколько лет все эти полевые части сохраняли свои места постоянной дислокации, выделяя часть контингентов либо для пополнения гарнизонов Верхне-Иртышских крепостей, либо для расквартирования в Тобольске, Таре, Тюмени и других крупных городах Западной Сибири.

Итак, мы видим, что процесс перевода на территорию Сибири армейских частей далеко не во всех аспектах можно было назвать

²⁷ См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 8. Л. 141–144.

²⁸ Данный эпизод впоследствии неизменно фигурировал в послужном списке Крафта. См., например: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 337. Л. 1 об., 2.

²⁹ См. рапорт коменданта Ямышевской крепости и командира Новоучрежденного гарнизонного драгунского полка полковника Т. Зорина от 3 октября 1744 г.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 7. Л. 4.

³⁰ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Ч. 8. Л. 145 об., 146.

³¹ См.: Там же. Д. 283. Ч. 1. Л. 25 об., 26.

³² Там же. Ч. 2. Л. 138 об., 139.

³³ Там же. Л. 139 об., 140.

³⁴ См.: Там же. Л. 139; Ч. 3. Л. 101 об.

хорошо подготовленным. Более того, в ходе этих событий выявились противоречия между различными государственными учреждениями, как на уровне местного управления, так и в отношениях между центральной властью и губернской администрацией. Решение о переброске на южные границы России в Зауралье и Западной Сибири полевых полков было спонтанным, принятым под влиянием сиюминутных обстоятельств. Этим и объясняется выбор тех воинских частей, которые для этого предназначались, – драгунских полков, уже находившихся на Закамской линии. Относительно пехотных полков можно предполагать, что был принят во внимание их статус, поскольку они принадлежали к составу бывшего Низового корпуса, еще в 1730-х гг. выведенного из прикаспийских провинций, и считались сверхштатными. Лишь в конце 1745 г., уже находясь в Сибири, они, наряду с другими аналогичными подразделениями, были обращены в штатные [Висковатов, 1899. С. 15, 16].

С 1745 г. полевые армейские части на территории Сибири начали выполнять фактически те же функции, что и ранее дислоцировавшиеся здесь гарнизонные войска, связанные, прежде всего, с охраной границ. Описанный нами эпизод явился лишь первым звеном в цепи мероприятий, направленных на укрепление обороноспособности границ – на всем протяжении второй половины XVIII в. численность армейских подразделений на «восточной окраине» Российской империи будет неуклонно нарастать [Зуев, 2009. С. 13–15]. При этом, как справедливо отметил В. А. Моисеев, «переброска столь значительного числа войск без собственных запасов фуража и продовольствия поставила местные власти Сибири в трудное положение». Однако «запущенную машину невозможно было остановить... Войска, испытывая большие трудности в снабжении, ускоренным маршем шли на Восток» [1998. С. 116]. Как нам удалось установить, далеко не всегда создавались все необходимые условия и для их перевода сюда, и для эффективного выполнения возложенных на них задач. Данная тенденция прослеживается и в делах, связанных непосредственно со сферой военного управления, и в функционировании механизмов материального обеспечения военнослужащих.

Список литературы

Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке: Очерки. М., 1958.

Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007.

Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 3.

Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1983.

Дмитриев А. В. Состав и структура полевых и гарнизонных полков русской армии в Сибири середины XVIII в. (1740-е гг.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. С. 85–92.

Зуев А. С. Регулярные формирования Российской армии в Сибири в XVIII – начале XIX в. // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Материалы регион. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 11–17.

Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973.

Малолетко А. А., Малолетко А. М. Воинство Алтайского горного округа (1726–1917). Томск, 2001.

Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерки внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.

Рабинович М. Д. Полки Петровской армии, 1698–1725: Краткий справочник. М., 1977.

Сенатский архив. СПб., 1893. Т. 6: Журналы и определения Правительствующего Сената 1744–1746 гг.

Соловьев Н. И. Исторические очерки устроения и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб., 1900. Вып. 1.

Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 1: Исторический очерк развития военного управления в России.

Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730: обмундирование и снаряжение. М., 2008.

Тучков С. А. Военный словарь, заключающий наименования или термины, в Российском сухопутном войске употребляемые, с показанием рода науки, к которому принадлежат, из какого языка взяты, как могут

быть переведены на русский, какое оных употребление и к чему служат. М., 2008.

Материал поступил в редколлегию 08.09.2010

A. V. Dmitriev

**TRANSFER OF RUSSIAN ARMY'S FIELD REGIMENTS TO SIBERIA
IN 1744–1745**

The article is devoted to the process of transferring five Russian army's field regiments to Western Siberia in the middle of 18th century. It was carried out due to threat of war from the Dzhungar khanate, that explains undertime for this operation. On the other hand, there were some contradictions between different state departments, both central and local authorities, performing functions of military administration.

Keywords: Russian army; field regiments; Russian empire; Siberia; 18th century.